

Охотничьи Тросторы

Литературно-художественный альманах

3/2012

Охотничьи просторы

литературно-художественный альманах

Книга третья (73) 2012 г.

Издаётся с 1950 г.

Главный редактор

БУЛГАКОВ Михаил Васильевич

Заместитель главного редактора

КОРОЛЁВ Виктор Васильевич

Редактор-составитель

НОСКОВА Надежда Константиновна

Редактор

КОРОЛЁВА Елена Николаевна

Редакционный совет

ЕГОРОВ Олег Алексеевич

КАЛЕДИН Анатолий Петрович

ПЕСТОВСКИЙ Рюрик Викторович

ПОДДУБНЫЙ Михаил Владимирович

ЧЕРНЫШЁВ Вадим Борисович

Художник

БАСТРЫКИН Виктор Васильевич

Вёрстка

ПЕТРОВА Оксана Владимировна

Секретарь редакции

МЫТНИК Екатерина Васильевна

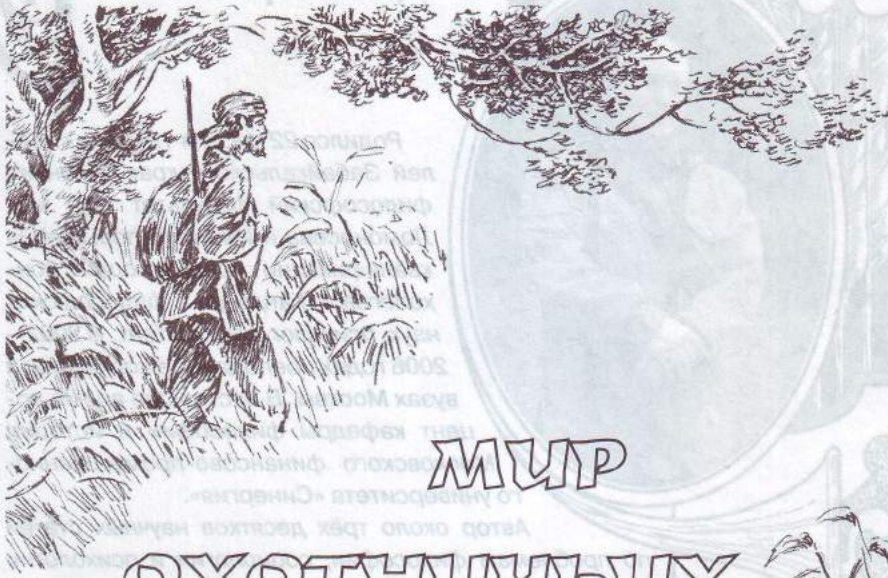

© ПТП ЭРА
2012 г.

Костры и зори		
Л. Е. Трутнев	В урманах Егольяха	4
Ф. Р. Штильмарк	Дань горе Шаман	22
Э. А. Кудусов	«Убивец»	40
Б. И. Стукалин	О волках и волчатниках	54
В. Е. Терёшкин	Волчьи песни	68
Т. П. Томилова	Следы (стих.)	77
Г. Д. Поляков	Возвращение в Устье	78
В. И. Никифоров	Ликующие позывные	86
Е. В. Дворянчиков	Брусничные мечты	94
А. В. Павелихин	Глухарь	104
Г. А. Скребицкий	По вальдшнепам	111
А. В. Лидберг	На полях в Казахстане	112
В. В. Воробьёв	Охотничьи юморинки. Осень	118
В. А. Сёменов	Охота с иностранцем	120
Ю. М. Белов	Молчун и шука	128
В. С. Климов	Байки деда Ерохи	134
А. Н. Мурзин	Агафон	146
К. В. Гарновский	Ноги одурели	159
В. М. Неунывахин	Осенняя охота на глухарей и тетеревов	160
Творчество наших читателей		
И. Вольф	Лохматый разбойник	176
В. С. Екимов	Охота на сурка	180
Памяти А. А. Улитина (некролог)		
Мир охотничьих приключений		
Д. С. Крюков	На грани	188
Классика охоты		
Ксенофонт	О псовой охоте	206
Охотничьи университеты		
Е. К. Осипов	О наших пернатых хищниках	222
Памяти О. К. Гусева (некролог)		
Жизнь и судьба		
Г. С. Лазаревский	Триумф памяти	238
Практика охоты		
И. В. Шарохин	Якорь для гончих	264
Н. Кустов	Охота на фазана	266
Д. П. Разрезов	Костры, костры	271
Книжная лавка		
Книги для охотников		
А. П. Клепцов	М. И. Платов — воин и охотник	298
В. Ю. Ламов	«Патронташ» — короткой строкой о главном	300

КРЮКОВ

Ленин Сергеевич

МИР

ОХОТНИЧЬИХ

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КРЮКОВ Денис Сергеевич

Родился 22 апреля 1979 г. в г. Баялей Забайкальского края. Окончил философский факультет МГУ им. Ломоносова и Институт повышения квалификации практикующих психологов. Кандидат философских наук, психолог-консультант. В 2002—2006 годах преподавал в колледжах и вузах Москвы. В настоящее время доцент кафедры философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия».

Автор около трёх десятков научных статей по проблемам философии, социологии и психологии религии («Статистика и динамика Я-концепции религиозной личности», 2009; «К проблеме определения религиозной личности», 2008 и др.).

С раннего детства увлечён охотой и рыбалкой. Свои впечатления от поездок с отцом за тайменем или изюб-рем, от общения с природой стремится запечатлеть в дневниковых записях или в виде рассказов.

В альманахе публикуется впервые.

На грани

Осень выдалась холодная и дождливая. После короткого бабьего лета с его звонким и прозрачным воздухом, неповторимой теплотой, ещё хранящейся в опадающих листьях, со свежестью, дарующей особое душевное успокоение после жарких летних месяцев, пришли холодные времена. Деревья, словно сговорившись, сбросили листву чуть ли не в один день, так и не успев насмотреться на свои прекрасные одеяния, отражённые в сентябрьских лужах, скованных по утрам тонкой корочкой льда. Вот уже вторую неделю небо было затянуто вязкими и неподвижными тучами, сыпал мелкий и холодный дождь, не спеша и основательно пропитывая осенней влагою все вокруг.

Сергей внимательно осматривал местность сквозь окна старенькой вахтовой машины, везущей его по разбитой лесной дороге. Он опасался пропустить поворот, где ему нужно было сойти, а дальше уже пешком идти к озёрам. Там он намеревался провести ближайшие несколько дней в поисках удачи в охоте на уток.

Он страстно любил утиную охоту, и недели за две до выезда они с друзьями договорились, что, поскольку Сергей уже десять дней как в отпуске, он прибудет на место охоты на четыре дня раньше других, устроит бивак, заготовит дрова, определит наличие дичи и места её скопления. А потом они уже все вместе будут охотиться и созерцать красоты осенней сибирской природы. Несмотря на длительные дожди, откладывать охоту не стали, руководствуясь старой охотничьей приметой, что в непогоду охота на уток более удачна, не зря ведь осенние затяжные дожди часто называют утиным ненастьем.

Вот, кажется, тот самый поворот – развороченная бульдозерами просека. За ней и нужно сходить. Автобус, недовольно скрипнув тормозами, остановился у обочины. Сергей поскорее выбрался из его прокуренного нутра и с трепетом вдохнул сырой, пропавший хвоей воздух. Оглядевшись, он бодро зашагал по едва заметной тропинке, намереваясь быстро преодолеть пятикилометровый рубеж, отделяющий его от заветных озёр. Ему хотелось успеть на охоту по утренней зорьке, а потом уж, не торопясь, устроить походный лагерь, и в ожидании товарищей, может быть, хотя бы на время победить бессонницу, так часто преследующую его в городе. Едва ли Сергей мог знать и догадываться, что его мечтам не суждено сбыться, и что эти вязкие и отливающие свинцовым блеском тучи, так низко висящие сейчас над угрюмой осенней тайгой, – словно предвестники тяжких и даже смертельных испытаний, которые уготовила ему судьба. Но сейчас всё было, что называется, под контролем, всё шло так, как и было запланировано и ничего не предвещало беды.

Несмотря на сильно пересечённую местность, Сергей шёл очень быстро. Для него, занимающегося спортом, ведущего здоровый образ жизни и обладающего недюжинной силой и выносливостью, марш-бросок в пять километров – не расстояние. К тому же он был не один: рядом бежала Умка – высокая, сухопарая лайка с густой тёмно-рыжей шерстью. Собака принадлежала близкому другу Сергея, тоже страстному охотнику – Алексею Фомичеву, который предложил ему взять Умку с собой:

– Своей собакой не обзавёлся, так возьми мою. Давно в тайге не была, засиделась совсем, а меня дела замотали – никак не выберусь. Возьми! Лайка по уткам не ахти какой спец, но подранков находит и из воды битую утку достаёт не хуже спаниеля. Да и веселее будет с ней! Сергей взял собаку, и, как потом выяснилось, – не зря.

Уже совсем рассвело, когда он, наконец, добрался до цели. Эти озёра называли Красными. Вода в них, особенно осенью, действительно, была красноватой. Образовались они в пойме реки Талангуй, что с древнетюркского переводится как «длинная река», на месте старого русла, сейчас сместившегося на полтора километра в сторону.

Оставив рюкзак на месте будущего походного лагеря, Сергей тут же отправился осматривать окрестности. Результаты не очень удовлетворили охотника – ему встретились только несколько небольших утиных стай, да к обеду удалось добыть лишь одного крупного селезня. Но когда он возвращался обратно, с середины одного из озёр медленно и грузно поднялась большая стая гусей, потом вторая, а за ней третья. Сергей долго и с необычайным трепетом наблюдал за величественным полетом красивых, крупных птиц – желанным трофеем любого охотника! Эта встреча с серыми красавцами очень воодушевила его: «Значит, есть дичь! Да еще какая! Надо лучше разведать места её днёвок и кормёжек, а там всё пойдёт как по маслу!» – рассуждал он. Наскоро насобирав дров, он приготовил незатейливый походный ужин.

– Ну что, рыжая, вкусно? – уплетая из чашки гречневую кашу с тушёнкой, он весело посмотрел на Умку.

Та, не отрываясь от своей порции, завияла хвостом, наострила уши и скосила глаза на охотника.

– А не пройтись ли нам завтра до петровского зимовья? – продолжал разговаривать с Умкой Сергей. – Гуси-то в ту сторону потянулись. Не было их тут давно, года три как стали залетать. Там, рядом с зимовьем, ещё три озера есть. До зимовья совсем недалеко. Если завтра с утра выйдем, к обеду доберёмся. Денек-два поохотимся, проведём разведку и вернёмся обратно! Ну, что скажешь, рыжая?

Умка, облизываясь, внимательно слушала Сергея, словно говорила:

– Хозяин, да я-то хоть куда пойду, только ты не жадничай, дай еще каши с тушёнкой.

Остаток дня Сергей готовил дрова, ладил извлечённую из тайника лодку, устраивал навес и столик с двумя скамейками. Вечером, кутаясь в бушлат, долго сидел у костра и с наслаждением слушал шёпот тайги. Залез в палатку уже поздно ночью, когда небо немного освободилось от тяжелых туч, и над головой замерцали далекие, холодные звёзды.

Назавтра он позволил себе никуда не торопиться, проспал до самого обеда. И только в два часа дня, взяв самые необходимые вещи, отправился к зимовью. Оно находилось в десяти километрах от Красных озёр, вверх по течению Талангуя, на другой его стороне. Путь лежал вдоль берега реки по старой, почти полностью заросшей дороге, проложенной когда-то бригадами лесозаготовителей. Затем нужно было пересечь небольшой лесистый распадок и обогнуть крутую сопку, которую за густой непролазным кустарник, что покрывал ее испокон веков, называли Тёмной. После этого перейти реку по перекату и, преодолев еще три с половиной километра, выйти к зимовью.

Дождь принялся моросить с самого утра, и если бы не костюм из легкой, но очень прочной водоотталкивающей ткани, надетый поверх прочей одежды, пришлось бы очень несладко. Километра через четыре Сергей свернул с дороги в заросший смешанным лесом распадок и присел перевести дух около большой раскидистой лиственницы. Здесь его впервые охватило лёгкое сомнение в правильности своих действий. «Что-то я заторопился, – думалось ему. – Надо было ребятам записку оставить, сообщить, что охочусь у петровской заимки и вернусь завтра или послезавтра». Но утренняя добыча, а главное – встреча с табуном гусей распалили в нём охотничий азарт, поэтому сомнения быстро исчезли, и он вновь бодро зашагал к намеченной цели.

***

Было уже около семи вечера, когда Сергей услышал отдалённый шум переката и через несколько минут вышел к нему. В этом месте река была шириной метров двадцать пять – тридцать. Из воды выступало множество камней, по самым крупным

из них когда-то были перекинута три листовницы, стянутые толстой проволокой и образующие нечто вроде моста. Но сейчас это сооружение для переправы явно не годилось, так как сильно обветшало. Надо было искать другой путь. Улавливая колкое и тревожное предчувствие, он долго присматривался к перекату, а потом, отбросив сомнения, пустился вброд, ступая с камня на камень.

Он уже достиг середины реки и на мгновение замер на большом валуне, чтобы осмотреться, когда левая нога предательски соскользнула с голыша, и Сергей оказался в воде. Как стальным обручем холод перехватил дыхание, а резкая потеря опоры вызвала кратковременный панический шок. Он даже не сразу почувствовал, что сильно ударился о каменистое дно. Его быстро понесло на глубину. Он инстинктивно ухватился за попавшийся под руку камень и поднял голову, жадно глотая воздух. Здесь было не глубоко, может быть чуть выше пояса, и первая мелькнувшая мысль была о промокшей одежде и вещах в рюкзаке. Умка, ожидавшая его на другом берегу, с громким лаем бросилась на помощь, но сильное течение понесло её прочь от упавшего человека.

Сергей, быстро придя в себя и опираясь руками о камень, попытался подняться, но адская боль в левой ноге молнией пронзила всё его существо. Он закричал и вновь повалился в воду. «Кажется, сломал ногу», – холодом разлилось в сознании. Снова ухватившись за камень, он отдышался, собрал всю волю в кулак и, опираясь на ружьё, попытался сделать шаг по направлению к берегу, но режущая боль опять бросила его в воду. Так повторялось несколько раз, и его, слабеющего с каждой секундой, быстро сносило всё ниже и ниже. Умка почти всегда была рядом, лаяла, пыталась подплыть ближе, но коварная река всякий раз отсекала её от человека. До спасительного берега было всего каких-то десять шагов, но Сергей никак не мог их преодолеть. От боли реальность расплывалась, рюкзак мешал двигаться и тянул ко дну. И только когда его вынесло на очередной перекал, он сумел сбросить тяжёлый мешок. Отталкиваясь ружьём и ухватившись за ошейник всё-таки добравшейся до него Умки, он, теряя сознание, с величайшим трудом выбрался на отмель.

Сергей не помнил, как долго он пролежал в воде на прибрежных камнях. Очнулся от того, что Умка, жалобно поскуливая, сильно тормошила его лапой. Тело бил озноб, от боли в ноге мутило рассудок, мысли путались так, что он не сразу припомнил, что произошло. Преодолевая сопротивление одеревеневшего тела, выполз из воды и, опершись спиной на большой валун, сел, с трудом приходя в себя и пытаясь сосредоточиться. «Надо срочно разжечь огонь... осмотреть ногу... аптечка осталась в рюкзаке... теперь не найдешь. Но надо действовать, иначе замёрзнешь!» – сделав глубокий вздох и стиснув зубы, рыкнул на себя Сергей.

Умка крутилась рядом и все норовила лизнуть ему щёку, от её дыхания исходил горячий пар. Сергей обнял собаку, прижался к ней, некоторое время жадно ловил тепло её тела, а потом принялся ощупывать место ушиба. Нога была как деревянная, очень сильная и резкая боль в верхней трети бедра говорила о серьёзной травме. «Нет – это не перелом. Ушиб, сильный, конечно, но перелома нет! – старался успокоить себя Сергей. – Ничего, ничего, сейчас разомнусь и пойду дальше!» Корчась от боли, он стянул с себя водонепроницаемый костюм, мокрые брюки и осмотрел травмированное бедро. Огромный кровоподтёк, выпирающая наружу шишка размером с кулак и хруст трущихся друг о друга костных обломков мгновенно уничтожили всякую надежду – это перелом и очень серьёзный.

Откинувшись назад, Сергей глухо застонал от бессилия, липкая слабость охватила тело и душу, пропало всякое желание что-либо предпринимать. Ему показалось вдруг, что всё происходит не с ним или в каком-то отдалении от него. Всё представилось чуждым: и река, и камни, и шум переката, и холодный дождь, и заочневшее, бьющееся мелкой дрожью собственное тело. Только непрерывно

крутящаяся рядом собака ещё скрепляла угасающее сознание и реальность друг с другом.

Откуда-то возникла мысль, что вот-вот подойдут Сашка с Володькой и помогут ему. И тут справа в кустах раздался шорох. Сергей с надеждой повернул туда голову, но это была ронжа – уселась на ветке и с любопытством рассматривает сидящего у воды человека.

Сергей начал скользить в какую-то удушающую дремоту, но Умка с урчанием резко схватила его за руку, возвращая в реальность. Он тряхнул головой, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов и попытался согреться, делая махи руками. Стало немного легче. С трудом оторвав от куртки капюшон, наложил его на место перелома и туго обвязал двумя слоями разрезанной на ленты подкладки. Затем ползком добрался до ближайшего валежника. Подобрал подходящий сук и собрав остатки подкладки и отрезанные рукава, с трудом, отчаянно преодолевая боль, наложил на ногу шину. Потом долго отдыхал, попутно соображая, что делать дальше. «Огонь! Нужен огонь!» – ломая мелкие ветки, Сергей стал раскладывать костёр. Подготовив и по всем правилам разложив дрова, достал из кармана брюк коробок спичек, завернутый в полиэтиленовый пакетик, и тут же убедился, что спички промокли – пакетик хорошо спасал от сырости, но никак не от погружения в воду. Рука потянулась во внутренний карман куртки. Там в латунной ружейной гильзе, залитый слоем свечного воска и запечатанный в полиэтилен, всегда лежал неприкосновенный запас спичек. Но сейчас карман был пуст – герметично упакованная гильза со спичками осталась там, у Красных озёр, в другой куртке, которую он сменил на сухую, прежде чем отправиться в зимовье. Третий комплект спичек был в рюкзаке и сейчас лежит где-то на дне реки.

Апатия и безразличие заполнили каждый уголок души Сергея. Но через некоторое время сверлящая боль и нещадный холод, которые пытались его убить, исподволь стали помогать ему, заставляя остро осознать степень опасности положения. «Нужен огонь, ночью станет ещё холоднее, а в мокрой одежде, с такой травмой, без еды и до утра не дотяну», – заставлял он себя думать, понимая, что обратной дороги у него нет: форсировать реку со сломанным бедром ему не удастся. Даже если он сможет её переплыть, соорудив из сухого валежника нечто вроде плота, то преодолеть расстояние в семь километров, отделяющих его от бивака, никак не сможет. Другой вариант – спуститься на плоту вниз по реке до Красных озёр – ещё хуже. У него нет ни сил, ни нужных материалов, чтобы соорудить более или менее прочный плот. К тому же спускаться на плоту придется долго – река сильно петляет. Но самое главное – на первом же перекате плот сядет на мель, а он не сможет вытащить его на большую воду. Все эти варианты не годятся, нужно добраться до зимовья и действовать по обстоятельствам. Там можно найти небольшой запас продуктов, спички, тёплую одежду, бинты и обезболивающие лекарства. В тепле, с едой и медикаментами он сможет дождаться помощи. Стиснув зубы, Сергей пополз в нужном направлении, ориентируясь на две, близко примыкающие друг другу сопки, которые ещё были видны в быстро надвигающихся сумерках.

Через полчаса он полз в полной темноте, то и дело проваливаясь в ямы, натываясь на большие валуны, с трудом переползая поваленные деревья. Умка была рядом, и когда он замирал в забытьи, она начинала беспокойно скулить и тормозить его лапами. Ему было то нестерпимо холодно, то наоборот, жар полыхал в каждой клеточке тела. Боль в ноге нарастала, но время от времени на него находила отрешённость, позволяющая забыть о ней и ползти совершенно бессознательно, утратив чувство времени и пространства.

Когда он в очередной раз провалился в яму, почти с головой уйдя в ледяную воду, его пронзила ужасающая мысль – он потерял направление! Вода, питающаяся от вечной мерзлоты, лежащей здесь совсем близко, сковывала тело, отнимала последнее тепло и остатки жизненных сил.

Из тяжкого беспамьтства его вывел звонкий собачий лай. Умка крутилась вокруг ямы, отчаянно лаяла, не в силах помочь ему, но и не позволяя окончательно погрузиться в бездну небытия. Повинуясь её призывам, он разлепил застывающие веки и, вцепившись в нависшие сверху ветви кустарника, стал выбираться из ямы.

Дождь кончился. Мир словно растворился в обступающей со всех сторон непроглядной тьме. Сергей лежал на краю ледяного колодца, чуть не ставшего его могилой, и пытался определить, где он находится. Неожиданно из темноты возникла Умка, лизнув его окровавленную щеку, словно мать, оплакивающая своего ребёнка, тонко и жалобно завывала. Сергей обхватил ее руками и прижал к себе. Она несколько секунд беспокойно озиралась по сторонам, потом вскочила и вновь исчезла в темноте.

Озноб, смешанный с сильнейшим жаром, стал пробирать Сергея. «Кажется, у меня температура! Что же делать?» – он закрыл глаза и, уткнувшись головой в мокрую и холодную землю, попытался сосредоточиться, удивляясь тому, что сейчас это получалась намного легче, чем несколько часов назад. Наверное, жгучее состояние обречённости, что он время от времени переживал, изжило все лишние сейчас мысли, чувства и эмоции, а все оставшиеся силы были направлены на выживание. «Вот, что значит – «когда нечего терять», – подумалось ему. – Когда ты знаешь, что конец совсем близок, и принимаешь это, становится несравненно легче и отчаяние отступает». Но Сергей так же чётко осознал, что именно такое состояние граничит с пленительной мыслью отпустить всё, закрыть глаза и больше не двигаться, а потом полететь в бездну, куда его исподволь уже давно кто-то настоятельно приглашал. Сергей находился на границе этих двух состояний. И именно где-то здесь, на перекрестке судьбы, возникло едва уловимое, а потом всё более ясное чувство, что двигаться надо вперёд и влево. Он подчинился этому импульсу и, с трудом овладев, казалось, уже умершим телом, пополз дальше.

Как выбрался из поймы реки, как оказался в глубокой расщелине, как зарылся в охапку листьев, прижимая к себе собаку и впитывая ее тепло, – он не помнил. Запомнилось только странное поведение Умки: она то надолго растворялась в кромешной темноте, то появлялась вновь и начинала тянуть его то в одну, то в другую сторону.

Сергей пришел в себя ранним утром. Оно наступало медленно, словно нехотя, с какой-то тягучей болью растворяя ночную мглу. Всё вокруг было усыпано снегом. Обрадовавшись ему, Сергей вдруг заплакал, словно ребёнок. Почему-то он всегда хотел умереть именно в тот день, когда выпадет первый снег. Ему казалось, что снег очистит его и все вокруг от всего грязного и неприятного, а от этого будет легко умирать. Рядом опять оказалась Умка, схватила его за рукав и потянула куда-то вправо. Сергей не сразу понял, чего она хочет, зачем беспокоит его, так мирно лежащего здесь. Он с трудом приподнял голову и в сумерках рассмотрел светлеющий прогал неба между вершинами двух сопот. «Она нашла зимовье!» – вспыхнула в сознании обжигающая мысль, сконцентрировав вокруг себя весь остаток сил, и Сергей медленно последовал за собакой.

Оказывается, он не дополз до зимовья всего каких-то сто метров. С первого взгляда было понятно, что оно заброшено, здесь уже давно никто не бывал. Верхняя петля оторвалась, и дверь наполовину вывалилась наружу, крыша с одного края прохудилась, оттуда сочилась вода. На нарах лежали сопревшие матрасы, а развешанная на стенах одежда была покрыта бледно-серой бахромой плесени. В деревянном ящике он нашел истлевшую крупу, сухари и упакованные в стеклянные банки чай, соль и сахар. Единственный спичечный коробок вместе с измятой пачкой «Примы» он обнаружил в одном из внутренних карманов старого заплесневевшего бушлата и в одно мгновение смог в полной мере оценить жестокую иронию судьбы – в коробке оказалась одна-единственная спичка – отсыревшая, изветшавшая, с частично

осыпавшейся серной головкой. Один шанс из тысячи, что она загорится! Положившись на него, он начал действовать.

Убедившись, что труба не забита, он выполз наружу и, преодолевая слабость и острую боль, собрал охапку сосновых веток и куски бересты. Вернувшись в зимовьё, с трудом свернул на пол столешницу, насёк ножом большую охапку щепок и уложил их в печи. Одну слегка вытянул наружу, осыпал порохом, чтобы использовать в качестве запала.

После всех этих действий он вновь впал в состояние отрешённости. Бережно обхватив ладонями коробок с единственной спичкой, лежал и бездумно смотрел в никуда. Умка, все это время с каким-то проникновенным сочувствием наблюдавшая за человеком, тихо подползла к нему и затаилась рядом, положив голову на его руку. Сергей прижался к ней и стал нежно гладить ее рыжий бок, размышляя о чём-то несущественном и далеком. Вдруг, его осенило – подшерсток сухой и теплый! С этой мыслью он долго, с величайшей осторожностью тёр спичку и коробок о густую собачью шерсть, избавляя их от влаги. Потом, уже не размышляя, поднес их ближе к дровам, и через секунду зимовье осветила яркая вспышка пороха.

Он лежал на нарах и размышлял о тонкой грани между жизнью и смертью. Ещё вчера он, молодой и здоровый, ощущающий себя хозяином жизни, шагнул в реку, а уже через мгновение его, беспомощного, от смерти отделяла лишь тонкая линия, способная исчезнуть в любое мгновение. Оказывается, даже будучи вооружённым опытом, знаниями и техникой, человек, по сути, остается слабым существом, целиком зависимым от неумолимых законов существования. Вся жизнь человека подчинена царствующей в мире случайности и необходимости, и он редко волен «давать направление стопам своим». Не зажгись вчера эта единственная спичка, что было бы сейчас с ним?! Маленькая палочка подарила ещё несколько дней жизни. Но сколько ему осталось? Из всех смертных этого не знает никто.

***

Прошло двое суток. Казалось, что с того момента, как слабый огонек от загоревшейся спички превратился в жаркое и яркое пламя, прошла целая вечность. Всё это время Сергей как зачарованный наблюдал, как огонь полз по сырому, дымящемуся дереву. Ему казалось, что этот постепенно разрастающийся огонёк – это он сам: ему не дано было утонуть в реке, замерзнуть в тайге среди снега и дождя, и вот теперь он постепенно оживает и обретает силы. Но вместе с возвращающейся жизнью вновь приходят слабость, боль и голод. Он заставил себя сползать к ручью и набрать воды, вскипятил её и с наслаждением пил горячий, подслащенный чай. Пришёл черед для осмотра раны. Забравшись на нары, он размотал повязку. Бедро стало черным как обгорелое полено. Место вокруг перелома нестерпимо пылало – начался воспалительный процесс, требовалась срочная медицинская помощь. Но Сергей знал, что его ещё даже не начали искать. Друзья подъедут на Красные озёра только через два дня и не сразу поймут, где он и что с ним произошло. Пока организуют поиски, пройдет несколько часов, а то и целые сутки.

С этими безнадежными мыслями Сергей погрузился в темную и вязкую как осеннее небо, дремоту. Своя собственная стоны он слышал далекий голос отца. Тот говорил ему, что к любой охоте надо готовиться тщательно, что тайга шуток не любит, требует уважения к своим законам. Образ отца придал сил. Он словно напомнил ему, что есть еще один призрачный, почти безнадежный вариант спасения. Та дорога, по которой он добирался из города до поворота на Красные озера, перейдя через перевал, тянется с другой стороны водораздельного хребта примерно в двенадцати километрах от зимовья и соединяется с ним узкой, проходящей через лесную чащу

старой охотничьей тропой. Если преодолеть этот путь, то на трассе подберут курсирующие между старательскими артелями и бригадами лесозаготовителей машины. Сергей пришел в себя готовым действовать, несмотря на очевидную, на первый взгляд, безвыходность ситуации.

Он отправился в путь ранним утром. Собрал остатки чая и сахара, аккуратно упаковал в полиэтиленовый пакет просушенные спички, закрепил на спине мешок с найденной в зимовье тёплой одеждой. С трудом удерживая нож, разрезал на несколько частей старый ватник и обмотал ими правое колено и локти, чтобы меньше обивать их о камни и корни деревьев. Сборы почти лишили его сил. В течение часа он лежал в полузабытьи и только после этого выполз из зимовья.

Совсем рассвело. На небе ни облачка. После тёмного нутра зимовья яркий свет отливающего зимней синевой неба резанул по глазам. Сергей некоторое время лежал, прикрыв лицо ладонями, вдыхал хмельной, морозный воздух. Когда глаза попривыкли к свету, он огляделся, потрепал за ухом Умку и мрачно пошутил: «По крайней мере, в пути будет не жарко!» Наметив направление, он, может быть, впервые в жизни сказал: «Господи, помоги мне на этом пути!» С тем и пополз, стиснув зубы, преодолевая боль, слабость, голод и безграничную пустыню отчаяния.

Первые километра полтора дались сравнительно легко. С короткими передышками он преодолел это расстояние часов за пять-шесть. Потом тропа пошла через ещё не промёрзшую болотину. Сергей промок и почти полностью выбился из сил. Когда, наконец, он достиг небольшой каменистой опушки, решил остановиться на ночлег среди сваленных ураганом лиственниц. Небо вновь заволкло тяжёлыми облаками. Они нависли над тайгой, словно старое рваное покрывало, сковав тревожной тенью все живое. К ночи возможен снегопад, поэтому надо как можно тщательней подготовиться к ночлегу.

Он устроился между двумя деревьями, соорудив из веток нечто вроде навеса и приготовив ложе из длинного, почти в его рост, толстого и широкого куска лиственничной коры. Разжёг костёр, просушил одежду, вскипятил воду. Напившись чаю с сахаром, он натянул на себя все тёплые вещи, завернулся в бушлат, и мгновенно уснул. Примерно полчаса он спал как младенец, восстанавливая силы после тяжёлого пути.

Из глубокого забвенья его выхватила рвущая боль в ноге и яростный собачий лай. Умка остервенело лаяла в сторону распадка. Сергей бросил в почти затухший костёр охапку хвороста и подтянул к себе ружье. Долго вслушивался в ночь, по опыту зная, что умная собака просто так не будет поднимать шум – кто-то её сильно встревожил. Остаток ночи он так и провел в полузабытьи, находясь где-то между сном и явью. Пришел в себя уже на рассвете. Тело ломило, в голове перекатывался раскаленный чугунный шар, место перелома пылало резким грызущим жаром, и ко всем этим страданиям примешалось другое чувство, такое же древнее и вездесущее, как и боль. Это был голод.

Истощённый организм неумолимо требовал пищи. Подслащенный кипятком немного согрел и прибавил сил, но после того как Сергей прополз несколько сотен метров, мысль о еде начала сверлить сознание. Он вновь стал впадать в беспамятство. И только иногда его теребила тревожная мысль: «Только бы не сбиться с пути и не потерять тропу!». И опять он доверялся интуиции и полз, повинуюсь какому-то внутреннему глубинному импульсу.

Спустя несколько часов путь ему пересёк крохотный ручей. Сергей опустил лицо в ледяную воду, а потом с трудом перевернулся на спину, чтобы дать отдых рукам и ногам. Высоко в небе кружил чёрный ворон, медленно и величаво вырисовывал над ним круг за кругом, уже давно считая его своей добычей. Сергей долго смотрел на него и сполна прочувствовал глубочайший смысл той знаменитой песни, возникшей именно под влиянием образа высоко парящей чёрной птицы над израненным, умирающим

человеком. Ворон часто видится как символ смерти. Он как песочные часы – чем ближе срок, тем он ниже и уже его круги.

«Нет-нет, нельзя мне умирать, дома жена и сын ждут. Поборюсь ещё, сколько отпущено, а там посмотрим, как все обернётся!» – воспротивился этим недобрым мыслям Сергей. Умка приблизилась к нему, тихо заскулила, но лишь на миг наклонилась к его лицу, а затем наострив уши, стала внимательно осматривать заросли.

***

Волк стоял в нескольких шагах от Сергея и настороженно наблюдал за ним. Умка, оцетинившись и вытянувшись словно струна, застыла между зверем и человеком, готовясь к смертельной схватке. Ещё два волка заходили справа и слева, а четвёртый крутился где-то за спиной. Сергей ослабевшей рукой попытался вытянуть из ножен широкий охотничий нож.

Эта ночь застала его лежащим у подножия огромной сосны. Он уже не смог разложить костёр, с ним уже не было ни рюкзака, ни спичек, ни ружья, как и не было ни сил, ни желания утраивать ночлег. Он оказался практически беззащитным перед нападением хищников, которое сдерживалось сейчас единственным его заступником – Умкой.

Волки были в замешательстве. Мудрость инстинкта, закалённая в тысячелетней борьбе за выживание, подсказывала им, что собака – этот вечный спутник человека – сейчас полна решимости в жесткой схватке отдать за него свою жизнь. Волками сейчас двигал не голод, а скорее любопытство, осторожность и трезвый расчет охотника – знали ведь, что добыча от них никуда не уйдет – раненый человек вскоре совсем ослабнет, и тогда они легко возьмут его, собака же для четырёх волков – только секундное замешательство. Но сейчас поведение собаки соответствовало поведению матери-волчицы, защищающей своего щенка, а с ней лучше не связываться. Вожак, что вышел первым, не припоминал ничего подобного, поэтому выжидал, собирая силы для стремительного броска.

Да и человек вёл себя странно. Весь день они следовали за ним по пятам, он сильно ослаб и передвигался, словно загнанная по глубокому снегу косуля. В нём уже не было свойственной людям спеси и великой гордости за свою силу и непомерные возможности, в таком состоянии его мог убить даже полугодовалый волчонок. Но сейчас что-то придало ему силы. Он вдруг неуклюже перевернулся на бок и с глухим рычанием пополз навстречу вожаку. Матёрый глубиной обостренных инстинктов ощутил, что не страх смерти сейчас владеет человеком, совсем нет! Три хорошо знакомых ему самому чувства толкали сейчас двуногого на отчаянные действия: голод, неистовое желание жить и чувство родства, зародившееся между ним и его яростной заступницей-матерью. Вожак впал в еще большее замешательство! Теперь добыча, казавшаяся такой лёгкой, его самого воспринимает как таковую, сейчас, скорее, он – жертва, а не охотник.

«Ну что, тварь, иди сюда!» - резкий, как удар плетью, гортанный крик, едва ли похожий на человеческий, рассек ночную тишину и заставил волка сначала слегка припасть к земле, а потом отступить на несколько шагов. Умка, уловив слабинку, яростно рванулась за ним. Он не устоял перед неистовством собаки и, поджав хвост, метнулся в кусты.

Волки отступили, но лишь на время. Сергей привалился спиной к дереву и постарался сосредоточиться. Он осмотрелся и понял, что потерял все ориентиры и совсем не знает, куда двигаться. Его взор обратился к небу. Там, сквозь пелену облаков пробивался свет одинокой звезды, она напомнила ему о чём-то далеком и родном. Он почти воочию увидел жену и сына, и нестерпимая горечь подступила к сердцу...

***

Утренний свет медленно выводил тайгу из ночной тишины. Заснеженные сопки расправляли могучие плечи навстречу солнечным лучам. Но человек не замечал этого – его тело и душа уже давно шли порознь, и всё дальше и дальше отдалялись друг от друга. Разве только на миг, когда солнечные лучи осветили его, лежащего среди припорошенных снегом кустиков брусники, он остановил свой безумный взгляд на ярко вспыхнувшем востоке и в его воспаленных глазах что-то на мгновение отозвалось на тысячелетний зов. Обмороженными и изодранными до костей пальцами он лихорадочно срывал красные ягоды и жадно заталкивал их в рот, пытаясь обмануть чувство голода. И уже не было ни адской боли в чудовищно распухшей, начинающей гнить ноге, ни усталости, ни прошлого, ни будущего – всё смешалось и превратилось в одно страдание, убившее в человеке все человеческое. Это был голод.

Человек уже давно пристально следил за собакой. Он всё набирался сил, всё страшился, что не удержит в руке нож и не сможет совершить задуманное. Рядом с ним была еда, много еды. Наконец, когда собака подошла совсем близко, он из последних сил обхватил ее за шею и подтянул ближе к себе. Умка, не чуя беды, не сопротивлялась, доверчиво прижалась к промерзшему телу человека, пытаясь согреть его. Острый как бритва клинок скользнул к гортани и, пройдя чуть ниже, припал к тому месту, где в нескольких миллиметрах под шкурой пульсировала кровь...

Над тайгой пронёсся тревожный крик ворона и резко оборвался, разбившись о быстро остывающую под белоснежным саваном землю.

***

Пришла весна. По утрам было ещё довольно холодно, но к обеду звонкая капель жизнеутверждающе выбивала весёлую дробь о чёрные от влаги тротуары. Юркие поползни, поскрипывая корой деревьев в сквере, гонялись друг за другом, распевая витиеватые трели.

Сергей сидел напротив окна просторной больничной палаты, перебинтованный с ног до головы, и в глубокой задумчивости смотрел на просыпающийся под лучами весеннего солнца мир. Он выжил. Наперекор всем тяжким обстоятельствам. Тогда осенью, глубокой промозглой ночью его в бессознательном состоянии на бортовом узике привезла в больницу бригада спасателей. Об обстоятельствах своего спасения он узнал только спустя три недели. Всё ему поведал Алексей Фомичёв, который руководил одной из поисковых бригад, действовавших по всему району.

Совсем обессиливший Сергей, спасаясь от волков, ведомый Умкой, оказался в ста пятидесяти метрах от тропы. Собака инстинктивно тянула его туда, где обычно изюбри и косули скрываются от преследования хищников – на «отстой». Там, в узкой каменной расщелине и укрылся Сергей. Волки все время кружили у входа и время от времени пытались пробраться к человеку, но тот ожесточённо оборонялся ножом и заостренной палкой.

Умка, после того как Сергей оказался в относительной безопасности, услышав отдаленный звук следующих по трассе машин, ушла в их направлении. На трассе её подобрала бригада рабочих, следовавших на машине с одного из приисков. Умка всем своим поведением давала понять, что нужно идти за ней. Что и было сделано. Помощь подоспела вовремя, поскольку волки уже добрались до человека, уже пытались вытянуть его за руку из узкого лаза, но, услышав подмогу, спешно удалились. Сергея, который уже едва ли был среди живых, отвезли в город, а оттуда на вертолете переправили в областную клиническую больницу, где он и находится вот уже несколько месяцев.

Врачам с большим трудом удалось сохранить ему ногу. Хотя он до сих пор еще передвигался на костылях, а реабилитационный курс, скорее всего, продлится до самого лета, он быстро приходил в себя после пережитого. Даже повидавшие на своем

веку врачи говорили, что Сергей «родился в рубашке», так как после того, через что он прошел, редко кому суждено остаться в живых. Помимо тяжелейшего перелома бедренной кости и начинающейся гангрены, его левая рука была разорвана волчьими клыками, все тело сильно обморожено, кроме того, организм сильно истощился и потерял много крови. Неделю он был на грани жизни и смерти, но вскоре пошёл на поправку.

Его часто навещали жена, сын и друзья. Они всё пытались узнать подробности случившегося, но Сергей не слишком охотно рассказывал, стараясь сразу перевести разговор на другую тему. Во-первых, он мало что помнил, а во-вторых, – как только он вспоминал события тех дней, его мысли сразу же обращались к последнему: тому самому страшному, которое хоть и не свершилось, но к чему он был так близок. Тогда, в самый последний момент, когда он уже был готов рассечь ножом шею Умке, в нём как будто что-то оборвалось. Это было нечто подобное последнему проблеску сознания, а может быть чего-то еще более важного. Истощенное тело, жаждущее пищи, столкнулось с чем-то, существующим наперекор всей мощи инстинкта выживания, наперекор холодному дыханию смерти. В тот момент он вынырнул из небытия и ужаснулся тому, что хотел сотворить. Нож выскользнул из утратившей силу руки, а из-под распухших век потекли слезы. Он плакал, уткнувшись в теплый Умкин бок, обнимал ее как единственное живое существо, всеми силами старающееся ему помочь.

Вспоминая историю Сергея, не перестаешь удивляться тому, как быстро человек может утратить людской облик и низойти до животного состояния, как быстро с него слетает тонкий налет цивилизации, и все его существование сводится к простейшим рефлексам, срабатывающим только на выживание. Но это еще можно представить. Тем более, что до подобного состояния человек может опуститься и вне экстремальных условий, и это довольно часто мы наблюдаем в повседневной жизни.

Бесконечно удивляет другое: когда всё первобытное, полностью сохранившееся в человеке, было подчинено всепоглощающему жизненному порыву, рассматривающему собаку исключительно как источник пищи, ему было противопоставлено нечто иное. Это «нечто», вероятно, составляющее суть человеческого существа, действовало против всякого инстинкта выживания и вопреки смерти. Для этого «нечто» Умка оказалась бесконечно значимей, чем сама человеческая жизнь. Конечно, найдутся те, кто скажет, что в подобном, то есть исполненном благородства поведении человека, пусть и почти бессознательном, тоже можно отыскать вполне утилитарные мотивы. В конце концов, Умка была для Сергея единственной возможностью спасения, и он должен был беречь ее. Так, конечно же, тоже можно думать.

Но следовало бы полагать, что история Сергея, как и множество других, подобных ей, показывает в очередной раз всю противоречивость человеческого существа. Свидетельствует о том, что наряду со всем земным и материальным, что присуще человеку, есть в нем и «нечто», отличное от его животной природы, «нечто», что и делает его человеком. И если это «нечто» будет навсегда утрачено, то с тем исчезнет и человек, «исчезнет как лицо, нарисованное на прибрежном песке».

Москва – Чита, 2010 г.

Подписные индексы по каталогу агентства «Роспечать»:
на полугодие — 73434, на год — 80657

Подписной индекс по каталогу «Почта России»:
на полугодие — 84405

Адресная подписка в редакции круглый год.
Доставка ценными бандеролями наложенным платежом.

Тел./факс: (495) 528-22-71
E-mail: lavka@ohot-prostory.ru

Почтовый адрес:
143900, Московская область, г. Балашиха-центр,
а/я «Книжная лавка охотника и рыбака»

Литературно-художественное издание
альманах

«ОХОТНИЧЬИ ПРОСТОРЫ»
Книга третья (73), 2012 год.

Альманах зарегистрирован
в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство № 0110309.

Подписано в печать — 6.06.2012.
Формат 70x108 1/16

Печать офсетная. Заказ № 808. Тираж 5.000 экз.

Издательство «ПТП ЭРА». Московская обл., г. Реутов, ул. Гагарина, д. 11.

Телефон/факс: (495) 528-2271

E-mail: info@ohot-prostory.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru

факс 8(496) 726-54-10, тел. 8(495) 988-63-87

Цена договорная.

Редакция рукописи не рецензирует и по почте не возвращает.

За доставку альманаха подписчикам несут ответственность предприятия связи.